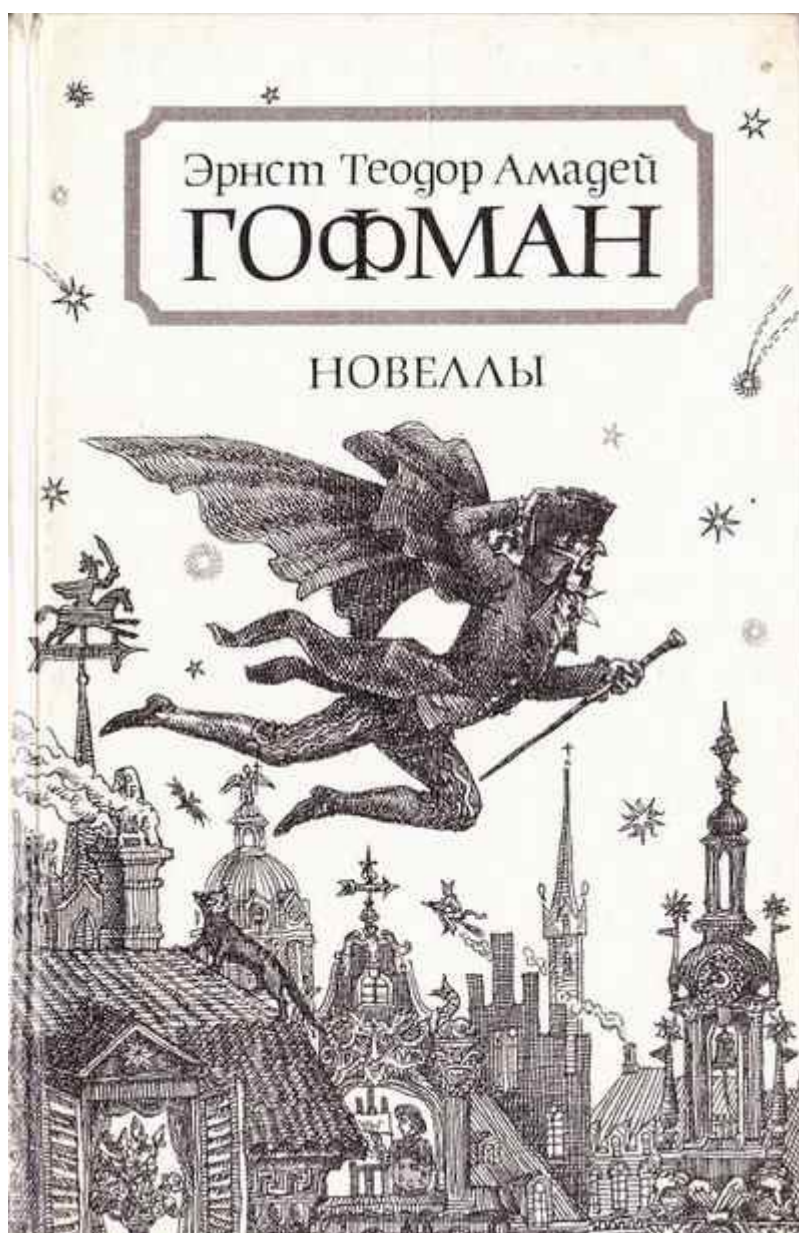

Эрнст Теодор Амадей Гофман Приключения в Новогоднюю ночь

Фантазии в манере Калло – 8

Эрнст Теодор Амадей Гофман Приключения в Новогоднюю ночь

Странствующий Энтузиаст¹ – а из его дневника мы заимствуем еще одну фантастическую пьесу в манере Калло, – судя по всему, столь мало разделяет свой внутренний мир и мир внешний², что и самая граница между ними едва уже различима.

1 Странствующий Энтузиаст – сквозная фигура «Фантазий в манере Калло», имеющих подзаголовок: «Листки из дневника Странствующего Энтузиаста». Объединяет в себе героя некоторых новелл, рассказчика и отчасти самого автора.

2 ...столь мало разделяет свой внутренний мир и мир внешний... – Развитие этой мысли см. в «Отшельнике Серапионе».

Однако именно благодаря тому обстоятельству, что ты, благосклонный читатель, не можешь отчетливо видеть этой границы, духовидцу и удастся завлечь тебя на другую ее сторону, и тогда ты нежданно-негаданно оказываешься в неведомом волшебном царстве, а странные его обитатели с легкостью вторгаются в окружающий тебя внешний мир и начинают обходиться с тобой по-приятельски, словно старинные знакомцы. Но от души прошу тебя, благосклонный читатель: обходись и ты с ними в точности так же, а еще лучше – совершенно покорись их чудодейственному могуществу и даже приготовься иной раз перенести, не сетуя, лихорадочный жар, который может, пожалуй, начаться, если чудесная эта власть всецело тебя захватит. Чем еще, кроме такой просьбы, могу я содействовать Странствующему Энтузиасту, с которым приключилось однажды в Берлине в ночь под Новый год – впрочем, с ним подобное случается в любое время и в любом месте – множество странных, поразительных вещей!

1. Возлюбленная

Холод, леденящий холод смерти был в моем сердце, острыми, словно ледяные иглы, когтями терзал он мне душу, пронзал каждый нерв, пылавший, будто охваченный жаром.

Словно гонимый безумием, я ринулся, забыв плащ и шляпу, во мрак ненастной ночи.

Флюгарки стонали под ветром, казалось, само неумолимое Время с зловещим скрежетом заводит свой вечный часовой механизм, еще мгновение – и сорвется тяжелая гиря, и старый год с глухим рокотом обрушится в мрачную бездну.

Ты ведь знаешь. Рождество и Новый год – эти праздники, что всем вам сулят столь много чудесных невинных радостей, меня всякий раз гонят прочь из моей мирной кельи и ввергают в бурное бушующее море. Рождество! Этот праздник уже задолго до своего прихода манит меня приветным добрым светом. Я изнываю от нетерпения, дожидаясь этого дня, и становлюсь лучше, чище, чем был я весь долгий год, ни единой черной мысли не таится в моей груди, широко распахнутой навстречу поистине небесной радости, – я будто вновь превращаюсь в маленького мальчика, который вот-вот залется от удовольствия звонким смехом. На ярмарке в ярко освещенных палатках среди пестрой блестящей цветной мишуры ласково улыбаются мне дивные ангельские лица, а в уличном гомоне я слышу божественную музыку органа, что словно льется с самих небес: «ибо ныне родился нам Младенец...»

Но лишь только окончится праздник, как все умолкает, и меркнет добрый приветный свет, поглощенный мутною мглою. И год от году все больше цветов опадает, увянув, на землю, навеки зачах их росток, и никогда уж весеннему солнышку не пробудить новой жизни в иссохших ветвях.

Все это мне прекрасно известно, но тем не менее всякий раз на исходе года силы зла, глумясь и насмехаясь, вновь и вновь заставляют меня в этом убеждаться. «Погляди-ка, – слышу я шепоток, – погляди, сколько радостей оставил ты в уходящем году, и они не вернутся к тебе никогда, никогда! Зато ты теперь поумнел, презренные забавы и утехи теряют в твоих глазах былую прелесть, мало-помалу ты становишься степенным человеком, который радости вовсе не знает!»

К новогоднему празднику дьявол неизменно припасает для меня совершенно особенный сюрприз. Выбрав подходящий момент, он с тысячью насмешек и издевательств вонзает острые когти мне в сердце и наслаждается зрелищем льющейся из раны крови. И всегда-то он находит пособников, вот и г-н советник юстиции не далее как вчера превосходно ему подыграл. У него (я говорю о советнике) под Новый год обычно собирается большое общество, и хозяин всячески старается ублажить ради праздничка каждого из гостей, но все у него получается на удивление неловко, несуразно, и любые веселые затеи и выдумки, с неимоверным усердием изобретенные советником, непременно оканчиваются каким-нибудь смехотворным конфузом.

Я вошел в переднюю, и советник незамедлительно устремился мне навстречу,

преграждая вход в свое святилище, откуда струился аромат душистого чая и благовонных курений. Советник, казалось, чрезвычайно радовался чему-то и лукаво поглядывал на меня со странной улыбкой.

– Ах, это вы, дружок! Дружочек вы мой! – сказал он. – А ведь в гостиной вас ожидает нечто весьма приятное. Сюрприз по случаю нашего любименького новогоднего праздничка! Только не пугайтесь!

Эти слова камнем легли мне на сердце, в душе моей пробудились самые мрачные предчувствия, смутная тревога охватила меня. Но вот двери отворились, я быстро прошел вперед, переступил порог гостиной... И тут среди сидевших на диване дам мне явилось вдруг в озарившем все ярком свете блистательное видение... Она, это была она, та, которую не видел я долгие годы...³ Счастливейшие мгновения всей моей жизни опалили мне душу, сверкнув ослепительным жгучим лучом. И канула, испепеленная им, губительная мысль о разлуке: отныне нет, нет более моей невозвратимой утраты!

Какой чудесный случай привел ее сюда, какими судьбами оказалась она среди гостей советника, который, сколько мне было известно, не принадлежал к числу ее знакомых, – я не размышлял об этом, до того ли мне было: мы вместе, мы снова вместе!

Наверное, я замер на полпути, будто пораженный ударом, – хозяин дома легонько толкнул меня:

– Ну, дружочек, что ж вы?

Я механически двинулся дальше, видя лишь ее одну, и в моей стесненной груди мучительно рождались слова:

– Господи! Господи, Юлия здесь?..

Я подошел уже вплотную к чайному столу, только тогда Юлия наконец-то меня заметила. Привстав, она холодно обратилась ко мне:

– Очень рада вас видеть. Вы прекрасно выглядите. Затем она села и повернулась к своей соседке:

– Вы не слыхали, что интересного на будущей неделе в театрах?

Ты приближаешься к великолепному цветку, он сияет ласковым взором и источает загадочное сладостное благоухание, вот ты склоняешься, чтобы лучше видеть прекрасное лицо... И тут из венчика мерцающих лепестков тебя поражает леденящий убийственный взгляд василиска! Вот что пережил я в этот миг...

Я отвесил донельзя неуклюжий поклон дамам и – будто мало мне было яду, будто нелепости еще недоставало! – отпрянув назад, толкнул хозяина, стоявшего с чашкой в руке – горячий чай выплеснулся прямо на его красивую плоеную манишку. Гости принялись подтрунивать над советником, которого, дескать, преследует злой рок, однако на самом деле они потешались, конечно же, над моей неловкостью. Итак, почва была подготовлена, оставалось лишь ждать неизбежного дьявольского бесчинства, но скрепя сердце я решил все снести и глубоко затаил отчаяние. Юлия не засмеялась вместе со всеми; мой блуждающий взгляд вновь и вновь обращался к ней, и тогда, мнилось мне, из прекрасного прошлого, из жизни, исполненной поэзии и любви, словно блистал мне светлый луч. В соседней гостиной послышалась музыка, там импровизировали на фортепиано – среди гостей началось движение. Кто-то сказал, что это играет знаменитый виртуоз по имени Бергер⁴, что исполнение его прямо-таки божественно и что надобно слушать пианиста, ничем другим не отвлекаясь.

– Ах, перестань же греметь ложками, Минхен, что за несносный звон! – сказал

3 ...та, которую не видел я долгие годы – Биографический мотив: Гофман говорит о своей романтической любви к Юлии Марк, молодой девушке, которой он в Бамберге давал уроки музыки и пения. Героиня новеллы (как и позднего романа «Житейские воззрения кота Мурра») носит имя Юлия.

4 Бергер, Людвиг (1777–1839) – известный пианист и композитор, учитель Ф. Мендельсона. Концертировал кроме Берлина в Лондоне и Петербурге.

советник, затем он плавно повел рукой в направлении двери и сладко молвил: «Eh bien»⁵, приглашая дам пройти в соседнюю гостиную к музыканту. Юлия тоже поднялась и медленно пошла вслед за всеми. В нынешнем облике Юлии было нечто, прежде незнакомое мне: она казалась выше ростом, красота ее стала пышной, почти величественной. Ее белое необычного покроя платье с широкими рукавами до локтя ниспадало богатыми складками и лишь слегка прикрывало плечи, волосы были причесаны иначе, чем у других дам, – разделенные впереди пробором, они были высоко подняты на затылке и заплетены во множество косичек, – все это придавало ее облику нечто старинное, она живо напомнила мне юных дев с картин ван Мириса⁶, но вместе с тем меня не покидало чувство, что я уже встречал где-то наяву то создание, каким явилась предо мной Юлия. И тут она сняла перчатки, и я увидел на ее руках богато изукрашенные браслеты, они, как и весь ее наряд, совершенно оживили мое смутное воспоминание. Помедлив на пороге, Юлия обернулась и взглянула на меня, и в тот же миг мне почудилось, будто это ангельское, полное юной прелести личико вдруг исказилось язвительной гримасой. Меня охватил безотчетный ужас, нервы мои содрогнулись от страшного предчувствия.

– Ах, он играет божественно! – пропищала над ухом у меня некая девица, приведенная в экстатическое состояние сладким чаем; сам не знаю как, ручка этой особы уцепилась за мой локоть, и я повел ее, вернее, смиренно поплелся за ней в соседнюю гостиную. В эту минуту музыкант разразился неистовым шквалом аккордов, они бурно вздымались и обрушивались, словно рокочущие валы, – это было прекрасно!

И тут Юлия оказалась рядом со мной; прелестным, ласковым, как никогда прежде, голосом она промолвила:

– О, если б это ты был сейчас за роялем и пел сладостные песни утраченных нег и надежд!

Дьявольское наваждение сгинуло, и я готов уже был воскликнуть: «Юлия!», излить в этом имени все небесное блаженство, переполнившее меня в этот миг. Но гости советника оттеснили Юлию и увели прочь от меня.

Теперь Юлия явно меня избегала, но все же иной раз мне удавалось то коснуться края ее платья, то ощутить ее легкое дыхание, и тогда минувшее блаженство воскресало в моей душе, блистая, как некогда, в несказанной прелести ярких весенних красок.

Шквал мощных аккордов отбушевал, небо прояснилось, и по светлой лазури, будто легкие золотистые облака на рассвете, проплыли нежнейшие прощальные мелодии, проплыли и растаяли в последнем пианиссимо. Музыкант был щедро вознагражден рукоплесканиями, общество пришло в движение, и внезапно я вновь оказался рядом с Юлией. Душа моя воспрянула, терзаемый муками любви, я устремился к Юлии, желая удержать ее, заключить в объятия. Но тут окаянная лакейская харя вдруг деловито просунулась между Юлией и мною – выставив вперед большой поднос с бокалами, лакей отвратительно прогнусавил:

– Не угодно ли?

Посреди подноса, меж бокалов с горячим пуншем играл и искрился прекрасный хрустальный фиал, по видимости, тоже с пуншем. Каким образом этот особенный, изысканный сосуд оказался среди обычных бокалов, лучше всего ведомо тому, кого я понемногу научился распознавать. Этот господин, подобно Клеменсу в «Октавиане»⁷, не без изящества прихрамывает на одну ногу, а из всех нарядов предпочитает короткий красный

⁵ Ну, что же (франц.)

⁶ Ван Мирис, Франс Старший (1635–1681) – голландский живописец.

⁷ ...подобно Клеменсу в «Октавиане»... – В драме Людвиг Тика «Император Октавиан» (1804), ч. 2, д. 4, один из персонажей, горожанин Клеменс, вымазав себе лицо сажей и прихрамывая, чтобы походить на черта, отправляется в лагерь «неверных». У Гофмана хромота в сочетании с традиционным костюмом Мефистофеля также служит опознавательным признаком не названного в тексте черта.

плащ и алые перья. И вот Юлия выбрала именно этот хрустальный кубок, сверкающий странными огнями, и поднесла его мне со словами:

– Не хочешь ли принять бокал из моих рук, как бывало?

– Юлия, Юлия... – вздохнул я.

Принимая кубок, я коснулся ее нежной руки – электрическая искра пробежала по моим жилам. Я пил и не мог оторваться, и чудилось мне, будто над кубком возле самых моих губ пляшут с веселым потрескиванием синие язычки пламени. Кубок был выпит до дна, и в тот же миг я неведомым образом перенесся в маленькую комнатку, озаренную одиноким огнем алебастрового светильника. Я сидел на низком диване – и Юлия, Юлия была рядом со мной! Она глядела на меня младенчески чистым, невинным взором, как прежде, в счастливые дни. Меж тем Бергер снова был за роялем и играл анданте из небесной Моцартовой симфонии Es dur. И на лебединых крылах этой музыки вновь взмыли ввысь, оживая в душе, любовь и блаженство былой счастливой поры, солнечной поры моей жизни.

Да, то была она, то была Юлия, прекрасная, как ангел, кроткая Юлия. Наши речи – сетования, полные любовной тоски, взоры, что красноречивее всяких слов... В моей руке была рука Юлии...

– Отныне я никогда не покину тебя, твоя любовь – та искра, что пылает в душе моей, воспламеняя ее идеалом искусства и поэзии. Без тебя, без твоей любви все недвижно, все мертво, но ведь ты здесь, ты останешься со мной навсегда, со мной на веки вечные?

И в этот миг в комнату пошатываясь вошел господин донельзя нелепого вида, уродец на тоненьких паучьих ножках, с выпученными, как у жабы, круглыми глазами⁸; он засмеялся кретинским смехом и визгливо выкрикнул:

– Тьфу ты, пропасть! Куда это нелегкая занесла мою женушку?

Юлия поднялась.

– Не пора ли вернуться в гостиную? Супруг разыскивает меня, – сказала она отчужденно. – Вы, мой дорогой, такой шутник, вы нынче в ударе, как и в прошлый раз. А вот горячительными напитками вам лучше не увлекаться!

И этот лупоглазый петиметр взял ее за руку, и она, смеясь, пошла за ним в большую залу.

– Все пропало! – вскричал я.

– Ну, разумеется, ваша карта бита, дражайший, – мерзко проблеял какой-то негодяй, игравший в ломбер.

Вон, скорее вон – и я бросился в ненастную бурную ночь.

2. Компания в погребке

Прогуливаться по Унтер-ден-Линден, несомненно, весьма приятно, но только не зимней ночью, когда трещит мороз и завывает вьюга. С непокрытой головой и без плаща я в конце концов тоже это почувствовал: ледяной озноб, перемежавшийся с лихорадочным жаром, пронизывал меня насквозь. Я пробежал через мост близ Оперы, мимо Замка, свернул за угол, миновал Шлюзный мост, что против Монетного двора.

Я очутился на Егерштрассе неподалеку от ресторана Тирмана⁹. Его окна гостеприимно светились, и я решил зайти, ведь я продрог до костей и жаждал поскорей глотнуть чего-нибудь крепкого. Из дверей заведения высыпала веселая беззаботная компания. Разговор у молодых людей шел о превосходных устрицах и отменном вине Одиннадцатого года¹⁰.

8 ...господин... с выпученными, как у жабы, круглыми глазами- В гротескном облике мужа Юлии ясно узнаваем жених Юлии Марк, гамбургский купец Георг Гребель.

9 ...неподалеку от ресторана Тирмана. – Здесь, как и во всех берлинских рассказах Гофмана, точно воспроизведены топография города, названия ресторанов, магазинов, имена их владельцев и т. п.

10 Вино Одиннадцатого года считалось особенно изысканным и не раз восхвалялось в стихах.

– Что ни говори, а тот молодец все-таки был прав! – смеялся один из приятелей – в свете фонарей я разглядел, что это был видный собой уланский офицер. – Прав, прав был тот молодец, уж как он в прошлом-то году в Майнце честил этих чертовых парней, которые в тысяча семьсот девяносто четвертом все упрямылись¹¹, не хотели попотчевать наших знаменитым вином!

Друзья офицера захохотали во все горло. Я невольно прошел несколько шагов вслед за гуляками и теперь стоял перед входом в какой-то погребок, из оконца которого сочился слабый свет. Кажется, это принц Генрих¹² у Шекспира, усталый и смилившийся, говорит, что согласен пить жалкое пойло – пиво? Нет, право же, я ведь не в лучшем положении... В горле у меня совсем пересохло, я решил выпить кружку порядочного английского эля и быстро спустился по ступенькам в погребок.

– Что прикажете? – Хозяин поспешил ко мне, учтиво приподняв шляпу. Я спросил бутылку доброго английского эля и трубку лучшего табаку и скоро уже был наверху истинно филистерского блаженства, которое способно внушить почтение даже самому дьяволу, – пришлось ему от меня отступиться.

Ах, господин юстиции советник! Когда б ты мог видеть, как низко я пал – от твоего светлого чайного стола в темень полуподвальной пивнушки, – ты с надменной презрительной миной отвернулся бы и промолвил только: «Неудивительно, что такой человек способен загубить тончайшую кружевную манишку!»

Без шляпы и плаща я, вероятно, имел несколько странный вид. У хозяина погребка, похоже, вертелся на языке какой-то вопрос, но тут в дверь постучали и с улицы послышался голос:

– Отворите, отворите, это я!

Хозяин выбежал за дверь и скоро вернулся, держа высоко над головой две горящие свечи, а следом вошел посетитель – худощавый долговязый человек. Входя, он забыл пригнуться под низкой притолокой и сильно ударился головой, впрочем, от ушиба его уберегла черная шляпа вроде берета. Меня непривычно поразило то, как он прошел к своему месту, словно прижимаясь к стене, потом он сел за стол напротив меня, а хозяин поставил перед ним свечи. Можно сказать, пожалуй, что у незнакомца, который выглядел вообще весьма достойно, было неприступное и замкнутое выражение лица. Он хмуро потребовал пива и трубку, а потом, глубоко затянувшись раз-другой, напустил такого дыму, что нас с ним окутало самое настоящее облако. Впрочем, лицо у него было очень своеобразное и привлекательное, он сразу же внушил мне симпатию, несмотря на весь свой угрюмый вид. Его густые черные волосы были причесаны на пробор и мелкими кудрями обрамляли лицо, глядя на него, я невольно вспомнил мужские портреты кисти Рубенса. Незнакомец расстегнул ворот плаща, и я увидел, что на нем черная венгерка со шнурами, но более всего поразило меня то, что поверх сапог у него надеты нарядные домашние туфли. Я обратил на это внимание, когда он выбивал о каблук свою трубку, которую успел выкурить за какие-нибудь пять минут. Разговор никак не завязывался, очевидно, незнакомец был всецело поглощен своим занятием: изучением редкостных растений, которые он извлек из ботанизирки и теперь любовно разглядывал. Я выразил восхищение прекрасными цветами и травами, затем, заметив, что они кажутся совершенно свежими, будто недавно сорванными, осведомился у своего соседа, не побывал ли он в Ботаническом саду или в оранжерее братьев Буше. В ответ он как-то странно усмехнулся.

– Сразу видно, что в ботанике вы не сведущи, иначе вы не задавали бы таких... – Он запнулся, и я смущенно пробормотал:

– Глупых...

11 ...чертовых парней, которые... упрямылись... – В 1794 г. французская революционная армия пыталась отвоевать захваченный австрийцами Майнц.

12 ...принц Генрих... – в хронике Шекспира «Генрих IV», ч. 2, д. 2, сц. 2.

– ...вопросов, – бесхитростно заключил он начатую фразу. – В ином случае вы с первого взгляда узнали бы эти альпийские разновидности, причем исключительно те, что произрастают на склонах Чимборасо.

Последние слова незнакомец произнес тихо, как бы про себя, и ты без труда вообразишь, что меня тут охватило чувство совершенно удивительное. Вопрос замер у меня на губах, а одна смутная догадка все явственней пробуждалась в моей душе: мне все более казалось, что этого человека я не раз уже видел и, пожалуй что, не столько наяву, сколько мысленным взором. В эту минуту снова постучали, хозяин пошел открывать, и послышался чей-то голос:

– Прошу вас, любезный, повесить зеркало.

– А-а! Генерал Суворов пожаловал, – сказал хозяин. – Что-то поздненько нынче.

Он повесил платком зеркало, и тогда в погребок неловко и угловато, но вместе с тем прытко и резво, я бы сказал, неуклюже, но быстро и проворно вбежал вприпрыжку маленький сухонький человечек в плаще какого-то необычного коричневатого цвета; человечек лихо подпрыгивал и подскакивал, а плащ как-то очень странно разлетался и развеивался на его плечах, собираясь в бесчисленные складки и складочки, и при свечах мне почудилось, будто это несколько юрких человечков то сходятся вместе, то снова разбегаются, как фигурки в волшебном фонаре Энслена¹³. Человечек крепко потирал руки под широкими рукавами и причитал:

– Холодно! Ой, холодно, ну и стужа! Не то что в прекрасной Италии, совсем, совсем не то!

Наконец он уселся за столик между мной и высоким господином и сказал:

– Дымище-то, ужас! А у меня, как на грех, ни щепотки табаку!

В кармане у меня лежала блестящая полированная табакерка, твой подарок, я немедленно достал ее, желая угостить табаком своего маленького соседа. Но, едва увидев табакерку, он мигом накрыл ее обеими руками и резко оттолкнул от себя.

– Прочь, уберите прочь отвратительное зеркало! – вскричал он. В его голосе прозвучал неподдельный испуг. Подивившись этому, я поднял глаза, и тут оказалось, что за одно мгновение маленький незнакомец вдруг переменялся. Минуту назад в погребок вприпрыжку вбежал юноша с молодым открытым лицом, теперь же предо мной был морщинистый дряхлый старик с черными провалами глазниц на мертвенно-бледном лице. Я в страхе отпрянул и повернулся к высокому незнакомцу.

«Господи боже, вы видели?» – хотел я сказать, однако мой высокий сосед оставался невозмутимым и, казалось, был захвачен пристальным изучением своих растений со склонов Чимборасо. Тем временем маленький незнакомец позвал хозяина и потребовал:

– Нектара северян! – так напыщенно он выразился. Мало-помалу разговор оживился. В обществе маленького незнакомца мне все еще было жутковато, зато высокий господин, хотя и говорил о вещах, которые обычно представляются нам незначащими пустяками, высказал множество весьма глубоких и поразительно метких суждений, правда, по части словесного выражения этих тонких мыслей не все у него было гладко, иной раз он пользовался и совсем неподходящими оборотами, что, впрочем, придавало его речи забавную оригинальность. Наша с ним духовная близость все более крепла и отчасти уже сгладила тягостное впечатление, произведенное на меня маленьким незнакомцем. Тот же, казалось, был словно на пружинках, беспрестанно вертелся и ерзал на стуле, размахивал руками, подпрыгивал, но всякий раз по спине у меня пробежал ледяной озноб, когда я замечал – теперь уже вполне явственно, – что у него как бы два разных лица. Большей частью он смотрел не на меня, а на нашего высокого соседа, чье невозмутимое спокойствие удивительно оттеняло непоседливость маленького человечка, и тогда лицо у этого вертлявого господина делалось

¹³ Энслен И. К. (ок. 1782–1866) – профессор Академии изящных искусств в Берлине, содержал неподалеку от Тиргартена «оптический кабинет», в котором демонстрировал «волшебные картины». В другом месте он же выставил искусные механические устройства (см. новеллу «Автоматы»).

старческим, хотя уже и не таким страшным, как только что, когда он так сильно меня напугал.

На маскараде нашей земной жизни дух, обретающийся под внешней оболочкой, проглядывает иногда во взоре сквозь прорези маски, встретив родственную натуру; вероятно, и мы, три диких чудака, сойдясь в погребке, с первого взгляда признали друг друга. Скоро в нашей беседе явился юмор особого рода, тот юмор, что рождается лишь в душе, уязвленной смертельным недугом.

– Однако тут есть одна хитрая зацепка, – сказал высокий.

– Ах, боже мой, – вмешался я, – каких только зацепок не напридумывал для нас черт, всюду они – на стенах комнат и беседок, на увитых розами живых изгородях, и всякий раз, проходя мимо, мы оставляем на этих зацепках частицу нашего бесценного «я». Похоже, господа, каждый из нас понес утрату таким именно образом, вот и я для начала лишился нынешней ночью плаща и шляпы, они, да будет вам известно, попались на крючок и висят сейчас в передней у советника юстиции!

Мои собеседники заметно вздрогнули, словно от внезапного удара. Маленький незнакомец, у которого опять было старческое личико, кинул на меня злобный взгляд, но ничего не сказал, а вскочил на стул и тщательно расправил платок, наброшенный на зеркало; высокий господин в это время сосредоточенно снимал нагар со свечей. Разговор не без труда возобновился, скоро речь зашла об одном замечательно искусном молодом живописце по имени Филипп и о написанном им портрете одной юной принцессы¹⁴; в этом произведении художник возвысился до вершин мастерства, будучи вдохновлен духом любви и праведного стремления к совершенству, который воспламенило в нем глубочайшее благочестие его модели.

– Удивительное сходство, но ведь это и не портрет, а, скорее, картина, – заметил высокий.

– Сходство необычайное, – согласился я, – можно подумать, что художник похитил из зеркала отражение этой дамы.

При этих словах маленький человечек вскочил – лицо у него снова было старческое, глаза сверкали.

– Вздор! Глупости! – яростно вскричал он. – Кто ж это может похитить отражение? Или, думаешь, черт может? Нет, братец, шалишь! Черт – он разобьет зеркальное стекло грубыми лапами, и все тут, и нежные белые женские ручки тоже будут обагрены кровью! Вздор! А ну, покажи мне такое отражение, краденое отражение, а уж я тебе отплачу честь по чести, не сходя с места в преисподнюю провалюсь! Видно, не все дома у тебя, бедняга!

Высокий незнакомец поднялся и, грозно надвинувшись на него, сказал:

– Перестань-ка паясничать, друг-приятель! Смотри, вот выставят тебя за дверь, с твоим-то собственным отражением, сдается мне, плохи дела!

– Ха-ха-ха-ха! – Маленький человечек разразился визгливым язвительным смехом. – Ишь напугал! Ха-ха-ха! Чего захотел! Зато моя тень-то при мне! Моя замечательная тень! Ах, ты, бедолага! Моя-то тень при мне!

И маленький незнакомец вприпрыжку выбежал вон, с улицы еще некоторое время доносился его глумливый смех и визгливые возгласы:

– Моя-то тень при мне!

Высокий незнакомец был совершенно уничтожен, смертельно побледнев, он упал на стул и обхватил голову руками, из груди у него вырвался тяжкий вздох.

– Что с вами? – участливо спросил я.

– Ах, сударь мой, – отвечал он, – этот зловредный человек, который выказал нам с вами такую враждебность, этот человек преследует меня по пятам, даже здесь, в моем любимом

14 ...молодом живописце по имени Филипп... портрете одной юной принцессы.. – Имеется в виду Филипп Фейт (1793–1877), пасынок Фридриха Шлегеля, главы немецкой романтической школы; упоминаемая картина – портрет прусской принцессы, написанный в 1814 г.

погребке, где никто не нарушает моего одиночества, разве что какой-нибудь гном спрячется в уголке, чтобы полакомиться хлебными крошками, даже здесь он не оставил меня в покое и снова напомнил мне о моем величайшем несчастье. Ах, я потерял, безвозвратно потерял мою... Прощайте!

Он встал и двинулся к двери – напрямик, через всю комнату. Вокруг него все было светло... Он не отбрасывал тени! Вне себя от радости я побежал за ним.

– Шлемиль! Петер Шлемиль!¹⁵ – в восторге звал я, но он уже сбросил с ног домашние туфли. Я видел только, как он перемахнул через высокий купол церкви, что на Жандармском рынке, и скрылся в ночной тьме.

Я хотел вернуться в погребок, но хозяин захлопнул дверь перед моим носом, сердито буркнув:

– От таких посетителей оборони Господи!

3. Видения

Господин Матье – мой хороший знакомый, а у его привратника чуткий сон. Когда я позвонил у ворот гостиницы «Золотой орел», он сразу мне отпер. Я объяснил, что ушел без плаща и шляпы с одного званого вечера и что ключи от дома остались в кармане плаща, а достучаться до моей тугоухой прислуги нет никакой надежды. Этот сердечный человек (я разумею привратника) проводил меня в одну из комнат, зажег свечи и пожелал мне приятного сна. Красивое большое зеркало в комнате было завешено, сам не знаю зачем, я сдернул платок с зеркала и поставил свечи на столик перед ним. Посмотревшись в зеркало, я обнаружил, что выгляжу очень бледным и осунувшимся – не сразу себя узнал.

И тут мне почудилось, будто в темной глубине зеркального стекла витает некий туманный образ; я собрал все душевные силы и стал все пристальнее и пристальнее вглядываться в это видение, и тогда в странном магическом мерцании стали все явственней вырисовываться черты прекрасной женщины... Я узнал Юлию. В иступленном порыве любви и тоски я с тяжким вздохом простонал:

– Юлия! Юлия!

И в этот миг вдруг послышался жалобный стон, он донесся из-за полога кровати, стоявшей в углу комнаты. Я прислушался – стоны и вздохи не прекращались и звучали все более горестно. Образ Юлии исчез, я не колеблясь схватил свечу, подбежал к кровати и отбросил полог. Как описать тебе чувства, охватившие меня при виде маленького незнакомца из погребка – на сей раз у него было юное, хоть и искаженное страданием лицо, и это он жалобно стонал и звал во сне:

– Джульетта! Джульетта!

Звук этого имени словно искра обжег мне душу – все опасения мигом улетучились, и я принялся отчаянно трясти и немилосердно толкать спящего, окликаая его:

– Эй, приятель, как вы попали в мою комнату? Проснитесь да убирайтесь-ка поживее отсюда, хоть к самому черту!

Открыв глаза, маленький незнакомец растерянно глядел на меня.

– Какой страшный сон, – сказал он наконец. – Благодарю, что разбудили меня.

Его голос был тихим, подобно легкому вздоху. Не знаю отчего, но теперь он предстал предо мною совершенно иным человеком, более того, терзавшее его страдание проникло в мою душу, и весь мой гнев пропал, уступив место глубокой печали. Мы с ним скоро

¹⁵ Петер Шлемиль – герой повести Адальберта фон Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля» (1814), продавший дьяволу свою тень. Отвергнутый обществом, невестой, друзьями, он находит смысл жизни в научных разысканиях и странствиях (биографический штрих из жизни самого Шамиссо) с помощью волшебных «семимильных» сапог. Отсюда поразившая гофмановского рассказчика деталь: домашние туфли поверх сапог, которые позволяют Шлемиллю, когда это нужно, идти обычным шагом. Описание внешности незнакомца воспроизводит титульный портрет Шлемиля в первом издании повести Шамиссо. Гофман высоко ценил это произведение и все творчество Шамиссо.

выяснили, обменявшись немногими словами, что привратник по ошибке отвел меня в комнату, уже занятую маленьким постояльцем, и что, стало быть, это я бесцеремонно к нему ворвался среди ночи и нарушил его сон.

– Сударь, – сказал человек, – давеча в погребке я, вероятно, показался вам буйным и разнузданным малым, однако отнеситесь ко мне со снисхождением, ибо тому есть причина, я должен открыться вам: временами меня преследует ужасное привидение, и тогда я забываю об учтивости и приличиях. А с вами разве не случается порой подобное?

– Ах, боже мой, конечно, – отвечал я, оробев. – Вот и нынешним вечером, когда я вновь повстречал Юлию...

– Юлию? – Маленький господин отвратительно взвизгнул, его лицо вмиг сделалось старческим и перекошилось от жуткой гримасы. – Ах, дайте же, дайте мне покоя! Дорогой мой, прошу вас, завесьте, пожалуйста, зеркало. Сказав это, он в изнеможении отвернулся к стене.

– Сударь, – отвечал я, – имя моей навек утраченной возлюбленной, по-видимому, пробуждает у вас весьма странные воспоминания, кроме того, приятные черты вашего лица явно подвержены некоторым изменениям. И все же я еще не потерял надежды сносно провести ночь в одной комнате с вами. Сейчас я завешу зеркало и лягу спать.

Человек обернулся ко мне, выражение его – опять юного! – лица было кротким и добрым, он потянулся к моей руке и несмело пожал ее.

– Спите спокойно, сударь, – сказал он. – Я вижу, что мы с вами товарищи по несчастью. Неужели и вы тоже?.. Юлия... Джульетта... Что ж, как бы то ни было, вам дана надо мной непреодолимая власть, выхода у меня нет, придется открыть вам мою сокровенную тайну, и вы станете меня презирать, мною брезговать.

С этими словами он медленно встал, накинул на плечи широкий белый халат и неслышными шагами, подобно бесплотному призраку, приблизился к зеркалу. Ах! Чистое, ясное зеркальное стекло отражало свечи, убранство комнаты, меня, но маленького человечка в зеркале не было, свет не отражался от него, хоть он и стоял прямо перед зеркалом. Он бросился ко мне с выражением глубочайшего отчаяния и крепко сжал мои руки.

– Теперь вы знаете, сколь беспредельно я несчастлив, – сказал он. – Шлемиль, эта чистая добрая душа, – ему можно позавидовать в сравнении со мной, отверженным. Он по легкомыслию продал свою тень, я же... Я отдал ей, ей отдал мое отражение! О-о!

С тяжким стоном он закрыл лицо руками, пошатываясь вернулся к постели и упал на подушки. Я застыл на месте: неприязнь, презрение, ужас, участие, сострадание, жалость, – сам не знаю, какие чувства боролись за и против этого человека в моей душе. А тем временем он начал похрапывать, да так славно, так мелодично, что и я не смог устоять перед наркотическим действием сих сладостных звуков. Поскорей завесив зеркало, я погасил свечи, улегся и скоро, следуя примеру своего соседа, погрузился в глубокий сон. Мне показалось, что наступило утро, когда меня разбудил яркий свет. Я открыл глаза и увидел, что мой сосед в белом просторном халате и ночном колпаке сидит спиной ко мне за столом и что-то усердно строчит при зажженных свечах. Вид у него был поистине призрачный, мне опять стало не по себе, но внезапно мной завладели ночные грезы, они умчали меня на своих крыльях, и вот я уже снова в доме советника юстиции, снова наедине с Юлией. И тут же мне привиделось, что общество гостей советника являет собой как бы нарядно украшенную к Рождеству витрину кондитерской Фукса¹⁶ или Вейде, Шоха, а может быть, какой-нибудь иной лавки сластей и что сам советник – это хорошенькая марципановая куколка с манишкой из почтовой бумаги. Выше, выше поднимались деревья и кусты роз. Юлия стояла предо мною и подносила мне хрустальный фиал, над которым плясали синие языки пламени. Вдруг кто-то тронул меня за руку. Сзади стоял мой маленький сосед, личико у него было старческое.

– Не пей, не пей! – шептал он. – Вглядишься в нее получше! Разве не встречалась она тебе на картинах-предостережениях Брейгеля, Калло, Рембрандта?

16 Кондитерская Фукса становится местом действия в новелле «Пустой дом».

Меня охватил страх – Юлия в своем одеянии с пышными рукавами и множеством складок, с необычной прической и впрямь была похожа на тех дев-искусительниц, что в окружении дьявольских чудовищ изображены на картинах старых мастеров.

– Отчего ты испугался? – сказала Юлия. – Ведь и ты, и твое отражение – здесь, со мною и совершенно невредимы.

Я взял бокал, но маленький человечек ловко, точно белка, вскочил мне на плечо и стал гасить синие огоньки пушистым беличьим хвостом, не переставая пронзительно верещать:

– Не пей! Не пей!

И тут все сахарные фигурки ожили, зашевелились, двигая ручками и ножками, а марципановый советник подбежал мелкими шажками и пропищал тоненьким голоском:

– Зачем же поднимать шум, голубчик? Зачем поднимать шум? И вот что, будьте любезны спуститься на землю, а то я уж давно примечаю, что вы переноситесь через столы и стулья по воздуху.

Маленький человечек исчез, фиала в руках у Юлии тоже больше не было.

– Почему же ты не захотел выпить? – спросила она. – Разве прекрасное чистое пламя, плававшее в моем бокале, не было тем поцелуем, который я когда-то тебе подарила?

Я хотел обнять Юлию, прижать к сердцу, но тут вмешался Шлемиль, он отстранил меня со словами:

– Это Минна, она замужем за Раскалом¹⁷.

Шлемиль нечаянно раздавил несколько сахарных фигурок, и они жалобно стонали. Но в следующее мгновение число их умножилось в сотни, нет, тысячи раз, они семенили вокруг меня, карабкались, ползали по мне, будто гнусная мошкара, жужжали пчелиным роем. Вот марципановый советник уже подобрался к моему галстуку, он стягивает его все туже, туже...

– Проклятый марципановый советник! – вскричал я и... проснулся. Стоял ясный солнечный день, было часов одиннадцать. «Вся эта история, наверное, просто страшный сон», – подумал я, но в эту минуту вошел слуга, он принес завтрак и сообщил, что приезжий, ночевавший со мной в этой комнате, рано утром уехал, велел засвидетельствовать мне свое глубочайшее почтение. На столе, за которым ночью мне явился призрак маленького незнакомца, я обнаружил свежееписанные листки, их содержанием спешу с тобой поделиться, ибо это, без сомнения, удивительная история маленького незнакомца.

4. История о пропавшем отражении

Наконец-то настал долгожданный день, когда Эразм Спикер смог исполнить свое желание, которое лелеял всю жизнь. С радостным сердцем (и тяжелым кошельком) уселся он в карету, спеша покинуть свою северную родину и устремиться в прекрасную теплую Италию. Славная, кроткая его женушка, проливая реки слез, подняла к окошку кареты маленького Расмуса, тщательно утерев ему перед тем рот и носик, чтобы отец хорошенько расцеловал малыша напоследок.

– Прощай, дорогой мой Эразм, – проговорила жена сквозь слезы. – Я буду добросовестно хранить наш домашний очаг, ты же прилежно думай обо мне, будь мне верен, да смотри, не потеряй своей красивой шляпы, если, по обыкновению, задремлешь в дороге у открытого окна.

Все это Спикер с готовностью обещал.

В прекрасной Флоренции Эразм повстречал соотечественников – они радовались жизни, с пылом юности предаваясь роскошным наслаждениям, которые в изобилии предоставляет сей великолепный край. Спикер оказался отличным товарищем в этих делах, он был неистощим на выдумки и умел вносить осмысленность в самые буйные забавы, развлечения и пирушки, которые благодаря Спикеру непрерывно сменяли друг друга и

¹⁷ Это Минна, она замужем за Раскалом. – Минна – невеста Шлемиля, отказавшая ему из-за утраты тени и вышедшая замуж за его слугу, злодея и обманщика Раскала (по-английски «негодяй»).

приобрели особый размах. Как-то раз молодые люди (а Эразма, двадцати семи лет от роду, смело можно к ним причислить) поздним вечером устроили особенно веселый праздник в ярко освещенном боскете пышного благоухающего сада. Все, кроме Эразма, привели с собой прелестных итальянских донн. Мужчины расхаживали в изящном старинном немецком платье, а женщины все были в ярких сверкающих одеяниях, у каждой – на свой особый манер и совершенно сказочных, так что все они казались чудесными ожившими цветами. То и дело одна из красавиц принималась петь итальянские любовные песни, перебирая струны мандолины, а в ответ мужчины под веселый звон бокалов, наполненных сиракузским вином, дружно запевали по-немецки удалую застольную.

Что и говорить, Италия – страна любви. Вечерний ветерок шелестел листвою, словно бы томно вздыхая, весь сад напоен был благоуханием жасмина и померанцев, исполненным любовной неги, и в волнах этого сладостного аромата резвились шаловливые красавицы итальянки, привольно и задорно, с тем тонким дразнящим озорством, что свойственно одним лишь дочерям Италии. Игры и утех становились все более шумными, все более вольными. Фридрих, самый пылкий из юношей, встал, обнимая одной рукой стан своей донны, поднял бокал с пенным искристым вином и воскликнул:

– Где еще найдешь небесное блаженство и веселие, если не у вас, прекрасные, несравненные итальянки, ведь сама любовь – это вы! А вот ты, Эразм, – продолжал он, обращаясь к Спикеру, – похоже, не чувствуешь этого по-настоящему, мало того, что вопреки уговору и обычаю ты не привел на наш праздник донны, так ты еще и хмуришься сегодня и всех сторонись. Когда б не бражничал ты да не пел бы так лихо, можно было б счесть, что ты вдруг сделался ни с того ни с сего скучнейшим меланхоликом.

– Признаюсь, Фридрих, – отвечал Эразм, – не умею я веселиться на этот лад. Ты ведь знаешь, дома я оставил милую кроткую жену, которую люблю всей душою, и, стало быть, я подлю изменил бы ей, избрав себе донну ради фривольных утех, пусть даже всего на один вечер. С вами, молодыми холостяками, дело обстоит по-иному, но я, будучи отцом семейства...

Юноши звонко рассмеялись, потому что, произнося последние слова, Эразм попытался придать своему молодому открытому лицу строгое и озабоченное выражение и выглядело это презабавно. Подруга Фридриха попросила перевести ей слова Эразма, говорившего по-немецки, затем с серьезным видом повернулась к нему и, погрозив пальчиком, сказала:

– Ты холодный, холодный немец! Берегись, ты не видал еще Джульетты!

В этот самый миг вдруг послышался шорох у входа в боскет, и из темной ночи в мерцающем сиянии свечей явилась восхитительная дивная красавица... Белое одеяние с пышными рукавами до локтя лишь слегка прикрывало ее плечи и ниспадало богатыми глубокими складками, волосы, разделенные впереди пробором, на затылке были подняты и заплетены во множество косичек. Золотое ожерелье на шее и богато изукрашенные браслеты завершали старинный наряд этой юной девы, точно сошедшей с полотна Рубенса, а быть может, с картины изысканного ван Мириса.

– Джульетта! – в изумлении ахнули девушки. Джульетта, ослепившая всех своей ангельской прелестью, промолвила голосом, полным неги:

– Позвольте и мне побыть на вашем чудесном празднике, о храбрые немецкие юноши. Пропустите меня вон к тому, что один среди вас томится без любви и ласки.

Сияя лучезарной красотой, она подошла прямо к Эразму и опустилась рядом с ним в кресло, которое было не занято, поскольку предполагали, что и он приведет на праздник свою донну.

Девушки стали шептаться:

– Смотрите, смотрите, Джульетта и нынче снова чудо как хороша!

А юноши переговаривались негромко:

– Ай да Эразм! Видно, он потешался над нами – сам-то первую красавицу покорил!

Эразма же при первом взгляде на Джульетту охватило чувство столь необычайное, что он и сам не знал, отчего так сильно взволновалась его душа. Едва Джульетта приблизилась,

им словно овладела некая неведомая сила, грудь юноши стеснилась, дыхание его то и дело прерывалось. Словно замороженный, он не сводил глаз с Джульетты, он точно оцепенел и не мог вымолвить ни слова, в то время как остальные юноши на все лады восхваляли ее очарование и красоту. Джульетта взяла наполненный кубок и поднялась, с улыбкой протягивая его Эразму. Принимая бокал, он коснулся ее нежной руки.

Эразм пил, и огонь разливался по его жилам. Тут Джульетта обратилась к нему с шутливым вопросом:

– Хотите, я буду вашей донной?

Услыхав такие слова, Эразм словно обезумел, он бросился к ногам Джульетты и прижал ее руки к своему сердцу.

– Да! Это ты, – восклицал он, – это тебя я любил всегда, тебя, о, мой ангел! Ты жила в моих грезах, ты блаженство мое, счастье жизни моей, ты – мое совершенство! – Все подумали, что Эразму вино ударило в голову, таким его еще никогда не видели, казалось, за какой-то миг с ним произошла разительная перемена. – Да, это ты! – моя жизнь, ты сжигаешь меня палящим огнем... И пусть мне суждено погибнуть, да, погибнуть, но ради тебя одной, лишь тобою хочу я жить!

Джульетта ласково обняла юношу; немного успокоившись, он сел подле нее, и скоро уже возобновились привольные утехы, игривые шутки и звонкие песни, прерванные сценой между Джульеттой и Эразмом. Когда же пела Джульетта, казалось, будто из ее груди льются небесные звуки, воспламеняя все сердца неведомым дотоле неизъяснимым блаженством. В ее дивной силы кристально-чистом голосе словно заключен был таинственный пламень, всецело покорявший душу. И юноши крепче обнимали своих подруг, и жарче горели их очи... Но вот уже алое сияние, разлившееся в небесах, возвестило приход денницы, и тогда Джульетта предложила окончить праздник.

Так и сделали. Эразм вызвался проводить Джульетту до дому, она не позволила, но рассказала, как найти ее жилище. На прощанье юноши дружно грянули застольную, и в это время Джульетта удалилась – видели только, как она промелькнула в дальней аллее в сопровождении двух слуг, факелами освещавших ей дорогу. Последовать за нею Эразм не осмелился. Юноши стали расходиться по домам, обнимая за плечи своих подруг, веселые и счастливые. В полном смятении, снедаемый тоской и любовной мукой, отправился наконец домой и Эразм, мальчик-слуга нес перед ним факел. Покинутый друзьями, Эразм свернул в тихую улочку, которая вела к его дому. Утренняя заря ярко разгорелась, слуга загасил факел, ударив им о мостовую, и тут в брызнувших искрах перед Эразмом внезапно возник необычайного вида незнакомец: высокого роста сухощавый господин с тонким ястребиным носом, сверкающими глазами и язвительно поджатыми губами, одетый в огненно-красный сюртук с блестящими стальными пуговицами. Незнакомец засмеялся и заговорил неприятным пронзительным голосом:

– Хе-хе! Никак вы из старинной книги с картинками выскочили, в этом-то плаще, в этом камзоле с прорезями и берете с пером? Вы, господин Спикер, вырядились ни дать ни взять шутлом гороховым! Неужели вам нравится выставять себя на потеху прохожим? Ступайте-ка лучше откуда пришли, в ваш древний фолиант!

– Вам что за дело до моего платья? – с досадой ответил Эразм и пошел было дальше, слегка оттолкнув шутника в красном, но тот закричал ему вслед:

– Полно вам! Не спешите так, куда вы? К Джульетте вас об эту пору все равно не пустят! Эразм мигом обернулся.

– Как ты смеешь говорить о Джульетте! – вскричал он гневно и попытался схватить за грудки насмешника в красном. Но тот проворно увернулся и вдруг исчез, не успев Эразм и опомниться. Растерянно стоял он посреди улицы и вертел в руках пуговицу, которую оторвал с красного сюртука незнакомца.

– Это знаменитый знахарь, доктор Дапертутто¹⁸, заметил слуга. – Чего это ему от вас

18 Дапертутто – *dapertutto* (итал.). - везде, повсюду; это значащее имя, возможно, подсказано фольклорным персонажем «Везде-Нигде». Гофман нередко пользовался этим приемом – переводом значащих немецких имен

понадобилось?

Однако, несмотря на это объяснение, Эразму почему-то стало не по себе, и он поспешил домой.

Вскоре Джульетта приняла Эразма, окружив его волшебным очарованием и нежностью. На безумную страсть, сжигавшую юношу, она неизменно отвечала спокойствием и безмятежной ласковостью. Лишь иногда глаза ее вдруг вспыхивали странным огнем, и всякий раз тайный трепет пронизывал Эразма до глубины души, когда он ловил такой странный, совершенно необычайный взгляд Джульетты. Она никогда не говорила, что любит юношу, но все ее обхождение с ним явственно указывало на это, и потому день ото дня все более прочные, нерасторжимые узы опутывали Эразма и накрепко привязывали к ней. В его жизни поистине настала солнечная пора. С друзьями он виделся теперь совсем редко – Джульетта ввела его в новое, прежде незнакомое общество.

Однажды ему повстречался Фридрих, он ни в какую не отставал от друга, и когда тот наконец подобрел и смягчился после настойчивых напоминаний о родине и доме, Фридрих сказал:

– А знаешь ли. Спикер, ведь ты угодил в весьма опасную компанию. Должно быть, ты и сам успел заметить, что прекрасная Джульетта – одна из самых коварных куртизанок, каких только знал мир. Про нее рассказывают множество удивительных загадочных историй, и она предстает в них в чрезвычайно странном свете. Говорят, она, если пожелает, может иметь неодолимую власть над людьми, она опутывает их нерасторжимыми узами. Вот и по тебе я это вижу – ты совершенно переменялся, ты всецело предался обольстительнице, а о своей славной кроткой женушке и думать забыл.

Тут Эразм закрыл лицо руками и заплакал навзрыд, повторяя имя своей жены. Фридрих понял, что в душе друга началась жестокая борьба.

– Спикер, – сказал он, – давай уедем поскорее отсюда.

– Да, Фридрих, – с жаром откликнулся Эразм, – ты прав. Сам не знаю отчего, но у меня вдруг явились такие мрачные, страшные предчувствия... Нужно уезжать, сегодня же!

Друзья быстро двинулись по улице, но не успели пройти и нескольких шагов, как наперерез им бросился синьор Дапертутто – расхохотавшись в лицо Эразму, он закричал:

– Торопитесь, не теряйте ни минуты, Джульетта ждет! Ах, ах, в ее сердце тоска, на глазах у нее слезы! Спешите, спешите, не медлите!

Эразм застыл как громом пораженный.

– Этот субъект, – сказал Фридрих, – этот синьор Шарлатан внушает мне глубочайшее отвращение, отвратительно и то, что он ходит к Джульетте как к себе домой и сбывает ей свои колдовские снадобья.

– Неужели? – изумился Эразм. – Этот гнусный малый бывает у Джульетты? Он – у Джульетты?

– Где же вы пропадали так долго, мы вас заждались! Или вы уже меня позабыли? – послышался вдруг откуда-то сверху нежный голосок.

Это была Джульетта – друзья, сами того не заметив, очутились под ее балконом. Эразм стремглав бросился в дом.

– Погиб, погиб бесповоротно, теперь уж его не спасти... – пробормотал Фридрих и побрел дальше по улице.

Никогда еще не была Джульетта столь обворожительной. На ней был тот же наряд, что и в памятный вечер в саду, и вся она так и сияла совершенной красотой и юной чарующей прелестью. Эразм забыл обо всем, о чем только что говорил с Фридрихом, его переполняло неизведанное доселе, ни с чем не сравнимое блаженство, величайший восторг, ибо Джульетта впервые за все время со дня их знакомства не таясь выказывала ему свою искреннюю любовь. Было ясно – лишь его одного она и видит, лишь для него и живет на свете.

Однажды они решили устроить праздник на загородной вилле, которую Джульетта сняла на лето. Собрались гости. Среди них оказался один молодой итальянец донельза мерзкого вида и еще более мерзкого поведения – он так и увивался вокруг Джульетты и вскоре вызвал ревность Эразма; едва сдерживая гнев, тот покинул веселое общество и в одиночестве расхаживал взад и вперед по глухой аллее в конце сада. Джульетта его разыскала.

– Что с тобою? Или ты уже не весь мой? – С этими словами она нежно обвила его шею и поцеловала в губы. Словно огненная молния пронзила юношу, в неистовой любовной ярости он прижал к груди возлюбленную и воскликнул:

– Нет, никогда я тебя не покину, пусть даже суждено мне погибнуть позорной смертью!

Джульетта странно усмехнулась, услышав это, и тут Эразм снова поймал ее необычайный взгляд, один из тех, что неизменно вызывали тайное содрогание в его душе. Они вернулись к гостям. Теперь гадкий итальянец поменялся ролями с Эразмом: терзаемый ревностью, он отпускал колкие оскорбительные замечания в адрес всех немцев вообще и в особенности насчет Эразма. Наконец тот не смог выносить долее этих насмешек и решительно подошел к итальянцу.

– Прекратите, – сказал он, – ваши недостойные нападки на немцев и на меня, не то я брошу вас вон в тот пруд, посмотрим, как вы плаваете!

В это же мгновение в руке у итальянца блеснул кинжал, и тогда Эразм в бешенстве схватил его за горло и, повалив на землю, сильно ударил ногой; удар пришелся в затылок – итальянец захрипел и испустил дух. Все бросились к Эразму, который упал, потеряв сознание, он почувствовал, что его подхватили, куда-то повлекли... Очнувшись словно после глубокого забытья, он увидел, что лежит в маленькой комнатке, а над ним стоит Джульетта и, наклонясь, обнимает его за плечи.

– Ах ты, злой, нехороший немец! – беспредельно нежно и ласково выговаривала она Эразму. – Какого страха я из-за тебя натерпелась! От этой-то опасности я тебя уберегла, но теперь ни во Флоренции, ни вообще в Италии ты не сможешь жить спокойно. Тебе придется уехать, бросить меня, а ведь я так тебя люблю.

Мысль о разлуке пронзила Эразма невыразимой болью и горечью.

– Позволь мне остаться! – воскликнул он. – Я рад буду погибнуть! Умереть или жить вдали от тебя, разве это не одно и то же?

И тут ему почудилось, будто тихий скорбный голос зовет его по имени. Ах, то был голос из далекой Германии, голос его верной жены. Эразм умолк, а Джульетта вдруг совершенно неожиданно спросила:

– Ты, верно, думаешь сейчас о своей жене? Ах, Эразм, скоро, скоро ты меня забудешь...

– Если бы я мог быть твоим на веки вечные... – вздохнул Эразм.

Они стояли против большого красивого зеркала, висевшего на стене и ярко освещенного с обеих сторон свечами. Нежней, ласковой прильнула Джульетта к возлюбленному и прошептала чуть слышно:

– А ты отдай мне свое отражение, любимый, пусть хоть оно останется со мной на веки вечные.

– Что ты говоришь, Джульетта? – растерялся Эразм. – Мое отражение? – И посмотрел в зеркало, где отражались они с Джульеттой, нежно обнявшие друг друга. – Да как же ты оставишь у себя мое отражение, – продолжал он, – ведь оно всегда и всюду со мной и глядит на меня то из чистой воды, то с какой-нибудь гладкой поверхности.

– Даже это, – сказала Джульетта, – даже призрачную иллюзию твоего «я», мерцающую в зеркале, не хочешь ты мне подарить вместо себя, а ведь уверял, что принадлежишь мне и телом и душой. Даже изменчивому, зыбкому образу нельзя со мной остаться и быть мне спутником в жалкой моей жизни, в которой теперь, раз ты бросаешь меня, не видать мне ни любви, ни радости.

Горячие слезы хлынули из прекрасных темных глаз Джульетты. И тут Эразм, обезумев от смертельной муки сердца, воскликнул:

– Ужели я должен тебя покинуть? Если так, то пусть мое отражение в зеркале остается у тебя на веки вечные. И никакая сила, будь то сам дьявол, не отнимет его у тебя до тех пор, пока я не смогу принадлежать тебе и телом и душой.

Точно огнем опалили поцелуи Джульетты его губы, едва вымолвил он эти слова, потом она разжала объятия и страстно простерла руки к зеркалу. На глазах у Эразма, хоть сам он даже не шевельнулся, его отражение шагнуло из рамы в комнату, быстро скользнуло в объятия Джульетты и вдруг скрылось вместе с нею в странном таинственном тумане. Внезапно тишину пререзал мерзкий глумливый смех, полный дьявольской издевки. Содрогаясь от безграничного смертельного ужаса, Эразм упал без памяти, но неизъяснимый, жуткий страх немедленно заставил его очнуться от забытья. В крошечной тьме он, пошатываясь, кое-как добрался до двери и сошел с лестницы. На улице его кто-то подхватил и усадил в карету, которая сразу же тронулась.

– Судя по всему, пришлось вашей милости немножко поволноваться! обратился к нему по-немецки сидевший в карете господин. – Пришлось, пришлось поволноваться, но уж теперь-то все пойдет превосходнейшим образом. Извольте лишь целиком и полностью довериться мне. Джульетточка свое дело сделала и поручила вас моему попечению. А вы и впрямь милейший юноша, притом поразительно склонный к невинным забавам, до которых мы с Джульетточкой такие большие охотники. Эх вы того молодца по башке-то! Истинно в германском духе! А уж как у нашего героя изо рта багровый язык-то вывалился – на редкость потешное было зрелище, а уж как он хрипел да кричал и все никак не мог отправиться к праотцам... Ха-ха-ха!

В голосе незнакомца звучала такая гнусная издевка, балагурство его было до того страшным, что каждое его слово ранило Эразма, точно удар кинжала, прямо в сердце.

– Кто бы вы ни были, – сказал он, – прошу вас, замолчите, довольно, ни звука более об ужасном преступлении, в котором я раскаиваюсь!

– Раскаиваюсь? Раскаиваюсь? – передразнил незнакомец. – Стало быть, вы раскаиваетесь и в том, что познакомились с Джульеттой и обрели ее сладостную любовь?

– Ах, Джульетта, Джульетта... – вздохнул Эразм.

– Ну вот, – продолжал его попутчик, – вы же сущее дитя, то одно вам подавай, то другое, да еще чтобы все шло как по маслу. Увы, из-за фатального стечения обстоятельств вам пришлось расстаться с Джульеттой, а вот если б вы остались, я легко мог бы уберечь вас и от кинжалов мстителей, и от любезного правосудия.

Мысль о том, что можно остаться с Джульеттой, безраздельно захватила Эразма.

– Но каким образом? – спросил он.

– Мне известно, – отвечал попутчик, – одно симпатическое средство, которое поразит ваших преследователей слепотой, коротко говоря, оно подействует так, что вы все время будете являться им с новым лицом и никто не сможет вас узнать. Завтра, как рассветет, потрудитесь внимательно и без всякой спешки поглядеться в зеркало, а я потом произведу с вашим отражением кое-какие абсолютно безвредные операции – и вы вне опасности. Заживете себе с Джульеттой среди всяческих утех и наслаждений, никого и ничего не боясь!

– Это ужасно! Ужасно! – вскричал Эразм.

– Полноте, любезнейший, что ж тут ужасного? – усмехнулся незнакомец.

– Ах, я... Я... – Эразм запнулся.

– Вы бросили свое отражение? – немедленно подхватил его собеседник. – Бросили у Джульетты? Ха-ха-ха! Брависсимо, голубчик! Что ж, коли так – скачите теперь во весь опор по лесам и по долам, по городам и весям, скорей возвращайтесь к супруге и малютке Расмусу, чтобы снова стать почтенным отцом семейства – без отражения, правда, ну да жену вашу это нимало не затронет, она-то обретет вас во плоти, а вот Джульетте, той досталось лишь ваше иллюзорное мерцающее «я»...

– Молчи, негодяй! – оборвал его Эразм. В это время послышалось звонкое пение – с каретой поравнялась кавалькада с яркими факелами, отблеск которых упал в окно кареты. Эразм заглянул в лицо своему спутнику и сразу узнал гнусного знахаря – Дапертутто. Эразм

мигом выскочил из экипажа и бросился навстречу кавалькаде, ибо еще издали различил в общем хоре приятный басок Фридриха. Друзья возвращались с загородной пирушки. Эразм вкратце обрисовал Фридриху все случившееся с ним, умолчав лишь о пропаже своего отражения. Они с Фридрихом поспешили в город и там так скоро уладили все необходимое, что на рассвете Эразм верхом на борзom коне уже оставил Флоренцию далеко позади.

Спикер записал многие события, приключившиеся с ним в пути. Самое поразительное из них – происшествие, из-за которого он в первый раз по-настоящему ощутил свой ущерб. Однажды, когда пришло время дать отдохнуть усталой лошади, Эразм остановился в гостинице в одном большом городе, он безбоязненно сел за общий стол вместе с прочими постояльцами, не замечая, что прямо напротив на стене висит прекрасное светлое зеркало. Слуга, стоявший за его стулом, суший дьявол, увидел, что в зеркале этот стул так и остался незанятым: выходило, что постоялец, сидевший на нем, не отражается в зеркале. Слуга сообщил свое наблюдение соседу Эразма, тот передал известие дальше – по всему столу пробежал говор, шепоток, все стали смотреть то на Эразма, то в зеркало. Сперва Эразм не замечал общего пристального внимания к себе, но вот один из обедавших, человек с суровым лицом, встал из-за стола, подвел Эразма к зеркалу, взглянул туда, затем на Эразма и объявил во всеуслышание:

– Действительно, у него нет отражения!

– Нет отражения! Отражения нет! – зашумело все общество. – Какой *mauvais sujet*!¹⁹. Это *homo nefas*²⁰, гоните его вон!

Сгорая от стыда и кипя от возмущения, Эразм скрылся в своей комнате, но не успел он запереть за собой дверь, как ему доставили распоряжение полиции: Эразму надлежало не позднее чем через час предъявить здешним властям свое цельное и в точности схожее отражение, в противном случае – покинуть пределы города. Он бросился вон из города, преследуемый зеваками и уличными мальчишками, которые улюлюкали ему вслед:

– Вон он скачет! Он продал черту свое отражение! Вон он!

Наконец Эразм вырвался из стен города. С этого дня, куда бы он ни приехал, он всюду велел немедленно завешивать все зеркала под предлогом своего якобы врожденного отвращения к собственному виду и вскоре получил насмешливое прозвище «Генерал Суворов», ибо этот генерал славился обыкновением так поступать.

В конце концов он прибыл в родной город и вернулся в свой дом, где жена и маленький Расмус встретили его с радостью, и скоро уже Эразму стало казаться, что в покое и уюте семейного очага можно будет постепенно свыкнуться с утратой отражения. Однажды Эразм, у которого к тому времени ни в сердце, ни в мыслях уже не оставалось воспоминаний о чаровнице Джульетте, играл с сыном, тот набрал полную пригоршню печной сажки и вымазал отцу лицо.

– Ах, папенька, какой ты черный! Посмотри скорее! – засмеялся довольный малыш и, прежде чем Спикер успел ему помешать, принес зеркало, поставил отцу и сам заглянул ему через плечо. И сразу расплакался, выронил зеркало и убежал. Спустя минуту вошла жена, встревоженная и с испугом в глазах.

– Что это Расмус мне рассказывает... – начала она.

– Будто у меня нет отражения, да, душенька? – с принужденной улыбкой поспешил перебить жену Спикер и принялся убеждать ее, дескать, как ни безумно было бы полагать, что можно вообще лишиться отражения, но, мол, в целом потеря не слишком велика, ибо всякое отражение это всего-навсего иллюзия и что самолюбование ведет-де к тщеславию, да к тому же всякое отражение разделяет человеческое «я» на истину и пустую мечту. Но пока Спикер так рассуждал, жена быстро сдернула покров с зеркала, висевшего в гостиной. Она бросила туда взгляд и тут же упала как подкошенная. Эразм заботливо поднял жену, но, едва

19 Негодяй (франц.)

20 Злодей (лат.)

придя в чувство, она с негодованием его оттолкнула.

– Прочь! – вскричала она. – Прочь от меня, чудовище! Ты другой, ты не муж мой, нет, ты дух преисподней, ты хочешь погубить меня, лишить вечного блаженства! Сгинь, пропади, я не поддамся тебе, проклятому!

Ее крик звенел по всему дому, разносился по комнатам, на шум сбежались перепуганные домочадцы – Эразм в отчаянии и ярости бросился за дверь. Словно безумный, метался он по пустынным аллеям парка на городской окраине. И тогда образ Джульетты, исполненный ангельской прелести, вновь возник в его душе; Эразм воскликнул:

– Значит, так мстишь ты мне, Джульетта, за то, что я покинул тебя, оставив взамен себя лишь отражение? Ах, Джульетта, я хотел бы принадлежать тебе и телом и душой. Ведь она прогнала меня, та, ради которой я пожертвовал тобой. Джульетта, Джульетта, как бы хотел я принадлежать тебе и душой, и телом, и самой моей жизнью!

– И вы можете превосходно осуществить свое желание, милейший, – подхватил синьор Дапертутто, внезапно выросший перед Эразмом в своем ярко-красном сюртуке с блестящими стальными пуговицами. Его слова принесли утешение несчастному Эразму, поэтому он, забыв былую неприязнь, не обратил внимания на злобное отвратительное лицо доктора-чародея. Остановившись, Эразм жалобным голосом спросил:

– Как же мне найти ее, ведь я ее потерял, должно быть, навеки!

– Ничуть не бывало, – возразил Дапертутто. – Она совсем недалеко отсюда и невероятно тоскует по вашему бесценному существу, уважаемый, ибо, как вам известно, отражение – это всего-навсего презренная иллюзия. Кстати, как только Джульетта удостоверится, что ваша достойная персона принадлежит ей и душой, и телом, и самой своей жизнью, она тут же с благодарностью вернет вам ваше миловидное отражение в целостности и сохранности.

– Веди, веди меня к ней! – воскликнул Эразм. – Где она?

– Еще один пустячок осталось уладить, – остановил его Дапертутто, – прежде чем вы увидите Джульетту и вверите ей себя в обмен на отражение. Ваша милость ведь не вольны безраздельно распоряжаться своей достойной особой, поскольку ваша милость до сих пор связаны известными узами, кои необходимо расторгнуть. Я имею в виду дражайшую супругу и подающего надежды отпрыска.

– Что это значит? – вскинулся Эразм.

– Окончательное и безоговорочное расторжение упомянутых уз, – продолжал Дапертутто, – произвести не трудно: для этого достаточно обыкновенных, вполне человеческих средств. Еще во Флоренции вы, вероятно, слыхали, что я искусно приготавливаю разные чудодейственные снадобья. Вот и сейчас, видите, у меня здесь такая простая домашняя настойка. Две-три капельки этой настойки надо дать тем, кто мешает вам и милой Джульетте, и они без всяких болезненных проявлений тихонечко улягутся на покой. Это, правда, называется умереть, а умирать, говорят, горько, но разве не приятен на вкус горький миндаль? Именно такая горечь у смерти, которая заключена в этой колбочке. Сразу же после радостного успокоения означенное достойное семейство начнет благоухать горьким миндалем. Берите, уважаемый, не церемоньтесь.

Он протянул Эразму маленькую склянку.

– Чудовище! – воскликнул тот. – Выходит, я должен отравить жену и сына?

– Да разве я сказал «отрава»? – перебил Дапертутто. – В этой скляночке вкусное домашнее лекарство. У меня нашлись бы и другие средства дать вам свободу, но я-то хочу вашими собственными руками совершить это вполне естественное, вполне человеческое деяние, такой уж, у меня каприз. Берите и ни о чем не тревожьтесь, голубчик!

Неведомо как склянка оказалась в руках у Эразма. Ни о чем более не раздумывая, он бегом пустился домой. Между тем жена его всю ночь провела в тревогах и душевных терзаниях, она упорно твердила, что приехавший из Флоренции – не муж ее, а некий адский дух, который принял облик мужа. Едва Спикер переступил порог дома, слуги со страху разбежались и попрятались, только маленький Расмус не побоялся подойти к отцу и с

детским простодушием спросил, почему он не принес своего отражения, матушка, мол, очень из-за этого убивается. Эразм глядел на малыша остановившимся взором, сжимая в руках склянку, которую ему дал Дапертутто. На плече у мальчика сидел голубок, его любимец, он вдруг клюнул пробку бутылочки и тут же поник головкой – он был мертв. Эразм отпрянул.

– Предатель! – вскричал он в ужасе. – Ты не совратишь меня на это дьявольское преступление!

Он швырнул склянку в открытое окно, и она разбилась во дворе о камни. По комнате разлился приятный запах миндаля. Маленький Расмус испугался и убежал. Остаток этого дня Эразм провел, терзаясь всевозможными муками; но вот пробило полночь. И тут образ Джульетты стал все более оживать в его душе. Когда-то при их свидании на шее у Джульетты порвались бусы, это были нанизанные на нитку красные ягоды, какие носят иногда женщины вместо украшений. Собирая их с пола, Эразм незаметно спрятал одну и верно хранил эту бусинку, ибо она касалась плеч Джульетты. Теперь он достал красную ягодку и, глядя на нее, обратился мыслями и сердцем к утраченной возлюбленной. И вот ягодка начала источать волшебное благоухание, которое всегда словно таинственной дымкой окутывало Эразма, когда он был вместе с Джульеттой.

– Ах, Джульетта, увидеть тебя один-единственный раз, а там... а там пускай я погибну позорной, постыдной смертью!

Едва вымолвил он эти слова, как в коридоре за дверью послышался тихий шорох и шелест. Он услышал шаги, раздался стук в дверь. У Эразма дух захватило от тревожных предчувствий и надежд. Он отворил. На пороге, сияя совершенной красотой и прелестью, стояла Джульетта. Обезумев от радости и любви, он заключил ее в объятия.

– Вот я и здесь, любимый мой, – сказала она тихо и ласково. – Взгляни, как хорошо сберегла я твоё отражение!

Она отбросила покрывало с зеркала. Прижав к груди Джульетту, Эразм с восторгом смотрел на свое отражение. Однако оно не повторяло ни одного его движения. Эразм содрогнулся до глубины души.

– Джульетта, – взмолился он, – неужели мне суждено лишиться разума от любви к тебе? Верни мне отражение и возьми меня самого: мое тело, жизнь, душу мою!

– Между нами еще кое-что стоит, милый Эразм, – возразила Джульетта. – Ведь ты знаешь, что... Разве Дапертутто не говорил тебе?..

– Ради бога, Джульетта, – прервал ее Эразм, – если только таким способом я могу стать твоим, то лучше мне умереть!

– Ни в коем случае, – ответила Джульетта, – ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Дапертутто соблазнил тебя на подобный поступок. Конечно, плохо, что обет и церковное благословение имеют столь большую силу, и все же ты должен разорвать узы, которые тебя связывают, иначе никогда не будешь ты моим безраздельно, однако для этого имеется другое, лучшее средство, нежели то, которое предложил Дапертутто.

– Какое же это средство? – живо спросил Эразм. В ответ Джульетта обвила его шею и, спрятав лицо у него на груди, вкрадчиво прошептала:

– Ты должен подписать своим именем несколько слов на маленьком листочке бумаги: «Предоставляю моему доброму другу Дапертутто власть над моими женой и сыном, с тем чтобы он распорядился ими по собственному усмотрению, и расторгаю узы, связывающие меня с ними, ибо отныне и телом и бессмертной душой моей принадлежу Джульетте, которую избрал себе в жены и с которой меня на веки вечные связывает особенный обет».

Дрожь пробежала по нервам Эразма. На его губах горели огненные лобзания Джульетты, в руке он держал листок, который она дала ему. Внезапно перед ним возник Дапертутто, он был огромного, исполинского роста и протягивал Эразму стальное перо. В этот же миг на левой руке у Эразма вдруг лопнула жилка и брызнула кровь.

– Обмакни, обмакни перо, подписывай, подписывай, – пророкотал великан в красном.

– Подпиши, подпиши, единственный мой, навеки любимый, – шептала Джульетта.

Эразм уже обмакнул перо в кровь, поднес к бумаге... И тут дверь распахнулась – на

пороге стояла женщина в белом одеянии, ее неподвижный, как у призрака, взор был устремлен на Эразма, глухо и горестно она промолвила:

– Эразм, Эразм, что ты делаешь? Именем Спасителя заклинаю тебя, не совершай ужасного злодеяния!

В предостерегающем призраке Эразм узнал жену, он отшвырнул перо и бумагу. Огневые молнии засверкали в глазах Джульетты, страшная гримаса исказила ее черты, жаром пламени повеяло от ее объятий.

– Прочь, адское отродье! Моя душа тебе не достанется! Именем Спасителя, прочь, змея, прочь, адское пламя пылает в тебе!

Так вскричал Эразм и недрогнувшей рукой оттолкнул Джульетту, все еще удерживавшую его. Вдруг раздался пронзительный визг, оглушительный скрежет, и словно черные вороновы крылья захлопали в комнате. Джульетта и Дапертутто скрылись в густом зловонном чаду, который пополз от стен и загасил свечи. Но вот первый луч денницы забрезжил в окнах. Эразм сразу же пошел к жене. Она встретила мужа кротко и приветливо. Маленький Расмус как ни в чем не бывало сидел у нее на постели; жена протянула руку измученному Эразму и сказала:

– Я знаю про все напасти, что приключились с тобой в Италии, и мне от души тебя жаль. Дьявол силен, а так как он подвержен всем без исключения порокам, то он и ворует часто, вот он и не устоял перед искушением и бессовестно украл твое красивое, в точности верное отражение. Посмотришь-ка вон в то зеркало, милый мой, добрый муженек!

Дрожа с головы до пят, Эразм с жалким видом повиновался. Зеркало осталось светлым и пустым. Эразм Спикер не глядел из его глубины.

– На сей раз, – продолжала жена, – даже кстати пришлось, что отражения у тебя нет, вид-то у тебя преглупый, дорогой Эразм. Ну, да ты и сам понимаешь, что без отражения сделаешься посмешищем для людей и не сможешь быть порядочным и безупречным отцом семейства, внушающим уважение жене и детям. Наш Расмус уже над тобой смеется, того и гляди, нарисует тебе углем усы, а ты и не заметишь. Так что постранствуй еще немного по свету да постарайся при случае выманить у черта свое отражение. Когда вернешь его – тогда и возвращайся, милости просим. Поцелуй меня! – Спикер послушался. – И – счастливого пути! Да присылай иногда штанишки для Расмуса, он ведь все время ползает по полу, штанишек на него не напасешься. А если доведется тебе побывать в Нюрнберге, то пришли тамошних пряников и раскрашенного гусара, как подобает любящему отцу. Прощай же, милый Эразм!

Тут жена повернулась на другой бок и заснула. Спикер взял на руки Расмуса и крепко обнял, но малыш расплакался, тогда Спикер посадил его на место, а сам отправился странствовать по белу свету. Однажды он повстречал небезызвестного Петера Шлемиля, который продал свою тень, они с ним чуть было не договорились составить компанию и путешествовать вместе: Эразм Спикер отбрасывал бы надлежащую тень, а Петер Шлемиль отражался бы подобающим образом в зеркалах, однако из этой затеи ничего не вышло.

Таков конец истории о пропавшем отражении.

Постскриптум Странствующего Энтузиаста

Что это, кто там глядит на меня из зеркала? Неужели это я? О, Юлия... Джульетта... Небесный образ... адский дух... Восторг и мука, тоска и отчаяние...

Ты видишь, милый мой Теодор Амадей Гофман, сколь часто, слишком часто неведомая темная сила вмешивается в мою жизнь и, наполняя мои сны обманчивыми видениями, ставит на моем пути такие странные создания. Весь во власти видений Новогодней ночи, я готов поверить, что советник юстиции и впрямь из марципана, а общество его гостей – это украшенная к Рождеству и Новому году витрина кондитерской и что прекрасная Юлия – обольстительница, творение Рембрандта или Калло, что она выманила у несчастного Эразма Спикера его красивое, в точности верное отражение. Прости мне это!

